

Некролог

18 июля 2014 года, находясь на отдыхе в Болгарии, скоропостижно скончался Николай Алексеевич Грякалов, философ, социальный антрополог, старший преподаватель кафедры философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Алексеевич родился 15 сентября 1978 года в г. Ленинграде. В 1995 году поступил на философский факультет СПбГУ, который с отли-

чем окончил в 2000 году, специализируясь по кафедре социальной философии и философии истории, где затем обучался в аспирантуре. В 2003 году защитил кандидатскую диссертацию «Террор: социально-философский анализ». С сентября 2003 года стал работать на кафедре философии науки и техники. В 2010–2012 годах прошёл курс докторантуры по кафедре философской антропологии, обсудив докторскую диссертацию «Социальная антропология бытия». Автор около 40 научных статей (некоторые из них — в зарубежных изданиях), монографии «Фигуры террора» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007), посвящённой социальной антропологии насилия. Лауреат премии Санкт-Петербургского философского общества «Вторая навигация» в номинации «Философский дебют».

Сфера научных интересов: новоевропейская научная революция, практики признания истины, экзистенциальная аналитика чувственности, история «техник тела», философская христология. Автор спецкурсов «Историческая эпистемология наук о человеке», «Социальная аналитика чувственности», «Философские аспекты антропосоциогенеза» (два последних — совместно с А. К. Секацким), а также семинара по антропологии науки, отдельные темы которого нашли отражение в статьях «Теологические аспекты генеалогии новоевропейской науки», «О божественной баллистике», «Номос аппаратов». Организатор конференции «Das Map-видео», участник многих международных научных форумов, актуальных телепередач, художественных акций... Подготовил к печати монографию «Жребии человеческого. Очерк тотальной антропологии».

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГРЯКАЛОВА

Летом этого года не стало Николая Грякалова, современного русского философа, человека, всегда ориентировавшегося на высокую мерку подлинности, моего друга. Хочется сказать о нём несколько слов, буквально по горячим следам, поскольку настоящее осмысление и, как принято говорить, всесторонняя оценка вклада, придут позднее.

Прежде всего хочется пересмотреть само понятие вклада в философию сегодня, к чему подталкивают и объективные обстоятельства современности, и тот формат жизни, который избрал для себя Николай. Такую жизнь можно определить как насыщенность и даже, пожалуй, неистовость существования. Люди, подобные ему, чрезвычайно остро ощущали глубину профанации,

которая сейчас воцарилась в сфере публичного письма. На наших глазах один за другим обрушивались барьеры, — те, что необходимо было преодолеть, чтобы *взять слово*. Поток электронного мусора в значительной мере дискредитировал идею письменного текста, производство которого теперь больше не требует ни оснований, ни поводов. Зато на этом фоне невероятно возросла роль разговора по сути и разговора по душам (так, наверное, было во времена Сократа) — ведь внимание живого собеседника надо удерживать, его необходимо слушать и помнить всё сказанное, коль скоро разговор идёт по сути.

И в этом Николай Грякалов был непревзойдённым мастером и, я бы сказал, обладателем особого человеческого таланта. Именно поэтому так ощутима потеря, которую понесли все его собеседники, все те, кого он удостоил своей дружбой и вниманием. Незавершённые споры, в которых рождается живая мысль, являются существенной частью вклада Николая в философию. Они продолжают и ещё долго будут продолжаться, в том числе благодаря *посмертной помощи* инициатора этих споров-исследований, в существовании такой помощи я уже имел немало случаев убедиться.

Сказанное отнюдь не снижает роли написанных Николаем Грякаловым текстов, если абстрагироваться от суровых времён, которые наступили для всех продуктов публичного письма вообще. Философские работы Николая написаны без риторических пауз и перебоев, что требует от читателя полной мобилизации, а также настоящей образованности — качества, которым Николай обладал столь ненавязчиво и столь непреложно.

Среди принципов философского исследования, которых придерживался Николай, чрезвычайно важна для него была телесная привязка, или *соматизация присутствия* — в любом полёте или скольжении рефлексии его прежде всего интересовали способы её «крепления к телу», то есть практики контактного проживания, позволяющие понять и происхождение мысли, и её настоящий смысл. Именно поэтому Николай любил говорить: «Я не философ, я антрополог», — но, как тут же могли убедиться слушатели, антропологическая укоренённость нисколько не мешала фигурам высшего философского пилотажа.

Такой же была и его жизнь, с полным задействованием и тела и души, жизнь, не признававшая усталости и отвергавшая технику безопасности, жизнь удивительно светлого человека.

Александр Секацкий